

Дударева Г.В.
Корреспондент – Флиге Ирина Анатольевна
12.04.2004, Санкт-Петербург
Кассета №1, сторона А

- Расскажите о своей семье, вот как вы помните,

- Что помню или что мне мама рассказывала...

- Родители, когда вот родилась Светлана уже [старшая сестра], должна была появиться, они жили в Петербурге. Отец учился сначала в институте... как же он назывался тогда?.. Торговля и чего-то еще, по-моему. Вот, а оттуда его перевели в институт красной профессуры. А мама заочно училась в герценовском институте и работала в райкоме комсомола, Пригородный район, Пригородный, по-моему, он назывался. Я потом, документы мне присылали, что она работала в райкоме партии, райкоме комсомола, Ну а потом, когда в 33-м году вышло постановление о создании политотделов при станциях МТС, отца из института красной профессуры направили секретарем... начальником политотдела Азовской МТС. Машинно-тракторная станция. И они туда уехали в 33-м году. И в 33-м году Светлана родилась в Азове. Потом отца избрали вторым секретарем азовского райкома партии, потом первым секретарем азовского райкома партии, и тогда уже в 36-м родилась там я, в Азове.

- Тоже в Азове?

- Тоже в Азове.

- А мама работала?

- Мама работала начальником отдела кадров и образования чулочной фабрики (азовской). Чулочной фабрики, вот. Ну, они взяли няню, когда родилась Светлана. Я вот все хочу про няню сказать – взяли няню, украинку. Хохлушку, как говорят. Вот, потом родилась я, потом начались все эти перипетии с репрессиями, и она вместе с нами уехала, тоже в Ельню и так с нами прожила 90 лет до самой смерти.

- А расскажите про няню, как ее звали?

- Ее звали Татьяна Михайловна Поломарчук. Вот, и она там... она неграмотная практически, вот, и... но она очень вкусно готовила, она там работала в каком-то поместье поваром, там типа повара что-то, или экономки вот ее и там к секретарю райкома определили в няньки и, заодно, конечно, и повара.

- А почему она уехала с Украины?

- А они там [в Азове] почему-то жили все, и сестра там же в Азове жила, двоюродная сестра. Но ее сестра родная погибла во время войны, при прямом попадании бомбы – прямо в дом, где они жили, одноэтажный, частный дом, а они сидели в подвале с сыном, прятались от бомбежки, и прямое попадание бомбы, они погибли во время войны в Азове. У нее больше никого не осталось. У нее была только сестра. Вот. Ну, когда...

- Подождите, отец ее взял няней?

- Няней, когда родилась Светлана в 33-м году. И, ну, может быть, раньше, потому что Светлана.

- А она старше была родителей, младше?

- Няня? Ну, если ей в 60-м было девяносто, так что, конечно, намного старше. Намного старше.

- А своей семьи у нее было?

- Своей семьи не было. У нее были три мужа, но очень кратковременно почему-то – кто-то умер, кого-то бросила она, кто-то бросил ее. Три мужа, но детей у нее не было.

- И когда она к вам в семью пришла, она была уже одинокой...

- Она была одинокая, вот, и только сестра у нее в Азове была и... И она уже на такой работе раньше работала, поэтому там [в нашей семье] быстро включилась, ей отдавались все деньги, она командовала в доме всем.

- Она не только детьми занималась, но и занималась всем?

- Да, всем дома занималась.

- А большой дом был?

- Дом был... Там, в райкоме... там при райкоме партии есть такой райкомовский дом, особнячок одноэтажный. И вот в этом особнячке мы и жили. Там я прямо в нем родилась, улица Карла Маркса дом 4, в Азове, ну, так он тогда назывался, и я родилась дома, потому что у нас был домашний врач. Но этот домашний врач, **(Дедереры [так?])** такие...

- **(Дедереры [так?])** это...

- Фамилия. Муж и жена **(Дедереры [так?])** [неразб], вот, она была нашим домашним врачом, и у мамы – она была полная, и грудь была полная, но молока оказалось мало... не было почти. И я умирала от голоду, я была черненький страшенький трупик, который беспрерывно кричал. Вот, и когда меня мыли, раздевали, то мама убегала, чтобы не видеть, пока нянька меня моет. Ну а потом было – уже мама не вынесла и пошла в поликлинику, хотя **(Дедереры [так?])** говорила, что все нормально, все нормально, и молока достаточно – и там так взяли и просто – так она у вас с голоду умирает. И ей велели кормить. И вот когда меня стали подкармливать, я стала толстеть, есть фотография – три шарика: шарик голова, шарик туловище и шариком ноги. У меня был рахит в детстве, оттого, что я от голода... голодала, и... Меня все время закапывали в песок, на берегу Азовского моря, чтобы у меня прошел рахит. Ну а в 37-м году он... отца вызвали на бюро обкома партии, он был членом бюро обкома ростовского, и в это время уже было очень не спокойно, уже арестовали бывшего первого секретаря, **(Раскина [так?])** Ефима. Они дружили семьями и как-то мама не верила, что он враг народа, но какие-то мысли всегда были – а вдруг он что-то такое сделал? А вдруг – ну не может же так, вот, и когда отец не вернулся, ну, она уже, конечно же, поняла, что он арестован, но несколько дней ей ничего не сообщали.

- Откуда не вернулся?

- Из обкома партии, из Ростова. С заседания бюро, бюро райкома партии, не вернулся, северо-кавказский тогда райком еще назывался, потом уже разделили на Ростовскую область и Ставропольский край. Тогда это был северо-кавказский обком, он был членом бюро и не вернулся. Это был август 37-го года. Вот. Ну, мама сколько ни добивалась, ей сначала ничего не отвечали, а потом сказали, что он арестован. После этого она вместе со своей подругой, у которой тоже арестовали мужа, добивалась во всех тюрьмах, ближайšie – ростовская, и там, таганрогскую, и прочие, чтобы дали, разрешили ей передать сюда мужу одежду, там что-то такое, и везде отвечали – такого нет, такого нет. Но однажды в ростовской тюрьме приняли вещи. И на записочке на обратной маминой было написано, что все получил, спасибо. Остальное все вычеркнуто, жирно, что даже не прочесть было, что там еще было написано. Ну и после этого, как мы потом узнали, что это было накануне его расстрела, его привезли на выездную сессию коллегии. И тогда приняли одежду там. Ну, жара же, лето, а у него нет сменного белья, вот одежду приняли, белье, и это, как раз в это время его судили, суд проходил над ростовской верхушкой. Ну и потом уже мама ездила по железнодорожным станциям, там говорили, что отправили их куда-то, отправили на десять лет без права переписки, и все время, она ходила по станциям, грузовые стояли набитые вагоны, и у каждого вагона спрашивала – отвечали: нет такого. Ну так она, конечно, не нашла его...

- Это она по станциям ходила в Азове?

- В Азове, в Таганроге, и вообще в Ростове там, ездили они везде. Везде искали.

- Она одна искала?

- Нет, с подругой вот, у которой тоже муж, мужа тоже арестовали, ну и нигде не было, вагоны были битком набиты арестованными, никого не пускали, сквозь дверь только вот так переговаривались, и все. Однажды она видела, как открыли один вагон, вывели оттуда мужчину, и прямо вот тут у вагона посадили на корточки и тут заставили опорожняться в присутствии посторонних, так что... целый вагон мужчин. Ну вот целые

составы стояли на запасных путях на всех железнодорожных станциях, набитые мужчинами арестованными. Так она не нашла. Но через какое-то время ее арестовали. Пришли с обыском, она попросила сообщить бабушке в Азов, чтобы нас забрала бабушка, раз ее арестовывают. Но ей сказали – не беспокойтесь, мы все сделаем, взяли адреса, попросили почему-то вещи собрать отдельно. Отдельно мои, отдельно Светланины. Ну, они там в спешке, собрали вещи и сразу же вот маму забрали, сразу же увезли нас со Светланой. И увезли нас в ростовский приемник-распределитель.

- А няня?

- А няню оставили, не разрешили ей. Няня неграмотная, она телеграмму дать не могла в Ельню. Потом уже няня уговорила соседа, Барский такой был, чтобы он дал телеграмму, и потом приехала бабушка из Ельни и она нашла нас в приемнике-распределителе. Как раз в тот день, когда нас должны были отвезти, развозить уже по детским домам. Мы уже стояли в разных очередях, к разным машинам, со своими вещичками...

- Вам был год?

- Мне тогда уже два было. А ей четыре. Поэтому до трех – один детский дом, а с трех – в другой детский дом. Вместе нас не могли послать. Нас в разные детдома. Ну вот, она пришла, попросила отдать. Они говорят – да забирайте, у нас их некуда девать. И вот существует в личном деле отца такая вот интересная запись: на ваш запрос о том, где находятся дети Дударева отвечаем, что... вот: «на ваш запрос от 10.10.38 года, дети Дударевой Ирины Николаевны после ее ареста 23 июля 38-го года нами направлены в детприемник в Ростове-на-Дону. После чего мать Дударевой Ирины Николаевны детей взяла на свою опеку для оформления...» Все оформление происходило в Ростове в детприемнике. А тут вот зачеркнуто, что они адреса не знают.

- Этот документ из маминого дела?

- Изъят из папиного дела.

- Почему из папиного?

- Маминого дела – я тогда не знала даже, что оно существует, когда я изучала папино дело. И потом, когда я там уже десять дней в Ростове поработала со всеми бумагами, готовила эту статью [«Ростовское дело»], я вдруг подумала и говорю – принесите мамино дело, вот так, я даже не знала, что у нее там есть дело, мне приносят и говорят – а она еще не реабилитирована. Это был 98-й год. Осенью 98-го она еще не была реабилитирована. Поэтому ее дело я уже в последний момент с ее делом познакомилась. А это мне прислали из папиного дела, на мой запрос. Я когда-то писала в Ростов, чтобы мне дали справку, что мы были в детприемнике. Нам ответили, что детприемник сгорел во время войны, и все документы пропали. Что подтвердить, что мы были в детприемнике они не могут. А потом я вот нашла в папином деле вот эту бумагу и ксерокопировала ее. Вот, прислали: копия верна, и вот оригинал, здесь вот 99 год это мне прислали ее уже.

- А вы помните сами тот детский дом?

- Нет.

- Как бабушка приехала?

- нет, не помню.

- А Светлана?

- Светлана помнит кое-что, конечно, кое-что помнит, потому что у нее... девочка была такая нервная, чувствительная, она на все очень реагировала, все... Но я вот только помню уже Ельню.

- А, ну, Светлана рассказывала, что она помнит, как маму забирали, помнит?

- Ну так я ее не спрашивала, как это...

- А как бабушка приехала вас забирать – помнит?

- Ну, эти темы несколько... Это я просто все помню... знаю с маминых слов, как это все происходило. Мама, когда сидела в тюрьме, она была уверена, что мы находимся в Ельне, что нас сразу отправили к бабушке. Ну вот, а тут только что няня попросила

соседа, Барскова, и пошла телеграмма, она приехала. Иначе бы мы исчезли в разных детских домах, неизвестно нашел бы кто-нибудь когда-нибудь... Вот так. Ну, потом, значит...

- Бабушка вас забрала к себе.

- Бабушка забрала к себе, мы жили у бабушки с дедушкой...

- А няня?

- А няня – няня приехала вот туда, к нам, когда... Когда бабушка нас забрала, она приехала в Азов, кое-что, наши вещички собрать. И вместе с няней туда уехали. Вернее, няня уехала, помогла, потом вернулась – ждала, что мама выйдет. Какое-то время ждала, что мама выйдет. Ну а потом, не дождавшись, она поехала в Ельню. А мама вот уверена, спокойна была, что мы все у бабушки. Ну, как...

- Эта бабушка с дедушкой – это мамыны?

- Мамины родители. Мамины родители, вот она Гюнтер он Борчан. Софья Александровна и Николай Васильевич.

- А расскажите про них.– что это за семья, про бабушку с дедушкой.

- Про бабушку я знаю побольше, потому что все-таки здесь как-то к Питеру они ближе, вот начиная... я составила генеалогическое древо, и только тех внесла, кто... кого коснулась советская власть. Начиная с Гюнтера Юлия Геннадьевича и жены (**Гердт [так?]**) Софьи Августовны.

- Это ваши прадеды?

- Мой прадед и прабабушка.

- Родители вашей бабушки?

- Родители нашей бабушки. У нее было шестеро детей. Если по порядку, то старший, Сергей, в 73-м году родился, где-то в 19-м... он был инженер путей, он строил железнодорожные пути в Екатеринбурге, и был начальником станции в Екатеринбурге. И где-то в 19-м году, в красный террор – его расстреляли красные. Следующая по возрасту Ольга Александровна, она прожила всю жизнь в Москве, и умерла своей смертью. Ее муж – Полозов Александр Андреевич. Следующий Гюнтер Владимир, он был 1875 года рождения, полковник, воевал в армии Колчака, во время Гражданской войны погиб на Дальнем Востоке. Следующая – Софья Александровна, 79-го года рождения (и ее муж) Борчан Николай Васильевич – вот это мамыны родители. Он землемер, но он почему-то в 14-м году был призван в армию, и вот когда он служил в Оренбурге, и мама там родилась, в 1904-м году, в Оренбурге. В 1914 году началась война и их почему-то переслали их воинскую часть, или полк, в Ельню. И они там стояли, в Ельне. И там, в Ельне, он остался после окончания войны, и там работал землемером. Они оба умерли в Ельне в 42-м году от голода. Когда немцы, по-моему, наступали на Ельню, тогда была такая паника, наши солдаты бежали сломя голову вплавь через Десну, даже до моста не шли, и удирали. А мы накануне ушли – мама с нами, и еще соседи, Хомченко, с которыми мы жили в одном доме, один этаж мы занимали, другой они, это был (такой двухэтажный домик). Вот, ушли, на телегу кое-что погрузили, ушли за двадцать пять километров, побоялись, что город будут бомбить, а в деревне будет спокойно. Вот, и когда немцы стали подходить, мама решила придти за родителями. Они остались, они не хотели уйти. И вот уже подходила когда к Ельне, солдаты бежали, кричали – куда ты идешь, баба, немцы в Ельню входят! И не пустили. Ее заставили вернуться. Она вернулась. А Ельню взяли немцы без единого выстрела. Там уже не было ни одного солдата, они спокойно вошли, и разместились. И разместились в нашем доме. И этот дом очень быстро сгорел почему-то. И родители [матери] остались без... (перерыв в записи) ...остались без крова, и без средств к существованию. Они ушли к приятелям, Муратовы такие были. К Муратовым. И жили в землянке. У них на огороде была вырыта землянка, и там, в землянке умерли от голода в 42-м году. Там уже и остались – были засыпаны – в этой землянке.

Следующий – Гюнтер Борис, 1882-го года, инженер-электрик, закончил жизнь самоубийством в начале 30-х, когда стали немцев выселять из России. Почему-то он этого

не перенес. Его жена – Мария фон Майдель, умерла в блокаду в Ленинграде. Следующая – младшая, Гюнтер Нина Александровна, она 1890 года, - умерла в блокаду в Ленинграде, похоронена на Лютеранском Смоленском кладбище, она умерла еще довольно молодой, вот ее муж – Александр фон Майдель, в 1887 году, после...

- Это братья и сестры...

- Это родные братья и сестры,

- А где вот вся эта семья жила?

- Семья бабушки? Они где жили?

- Они жили сначала в Оренбурге, как я поняла по фотографиям, там, вот...

- Ну а бабушка где родилась?

- Точно не знаю.

- вот эта большая немецкая семья. Они чем занимались?

- Когда я стала заниматься родословной, я как-то была... я познакомилась со Светланой Майдель, так как мы все-таки какие-то родственники, и она меня пригласила в генеалогическое общество на заседание и оттуда приехал из Москвы человек, который занимается немцами России. **(Катгин [так?]) Ярцев**. И потом, после беседы со мной, **(Катгин [так?]) Ярцев** прислал мне древо мое гюнтерское – 6 поколений. И они все остзейские немцы.

- Какие?

- Остзейские. Вот, видите? Первое, второе вот поколение, вот третье, четвертое....

Вот это вот последнее – Сергей, Ольга, Владимир, Софья...

- Да, это вот...

- Это вот которая моя бабушка. Ну вот и вот тут все время мелькает везде чаще всего Оренбург. Вот, отбит армией Колчака, ... Вот это все он мне добавил к тем сведениям, которые я знала. Вот, вот в Житомире. В Житомир он [прадед] поехал, потому что там кто-то был из сыновей. Прадед, прадед. Когда вот революция прошла, он, где-то в 18-м, наверное, или в 17-м году уехал в Житомир, кто-то из детей там жил. Значит, о них где-то есть...

- Но сам, прадед, он кем работал, что делал?

- Он окончил в Петербурге в 1865 году... называлось это... как это называлось... какое-то медицинские учреждения... курс медицинских наук. Курс медицинских наук. В 1865 году в Петербурге. И стал он работать лекарем в военном министерстве. И вот это как лекарь военного министерства, он работал в Ровно, Волынской области, работал в Оренбурге, работал, и вот в 12-м году он вернулся в Петербург, как я понимаю, выйдя в отставку, и стал окружным врачом воспитательного дома в Изваре. Это был особый район Петербурга. Статский советник.

- А жена его – она работала?

- А о жене ничего не знаю. Наверное, она с мужем ездила по полкам.

- А ваша бабушка, значит Софья Александровна, она получила образование?

- Она получила образование, но я сейчас не знаю, работала она или нет. Но это надо тоже уточнить у Светланы. Она, наверное, это больше знает.

- А кто она была по образованию?

- Ну, наверное, какой-нибудь женский институт, я точно не знаю. Я знаю, что она была... получила образование, но очень точно сейчас не знаю. Ну вот а муж вот землемер...

- А Барчан – это какая фамилия, он откуда выходец?

- Барчан... Вот у нас кроме немецкой крови еще польская и украинская. Это вернее всего украинская, а, может быть, польская.

- А как они познакомились, бабушка с дедушкой, не знаете? Где? В Петербурге, в Азове?

- Судя по тому, что... что мама родилась в Оренбурге, и работала раньше в Оренбурге, наверное, там они и познакомились, я точно не знаю. Надо вот расспросить поподробней Светлану, что она об этом периоде знает.

- Но вы с бабушкой и с дедушкой жили в Ельне?

- Да.

- Значит, бабушка из такой классической немецкой семьи, она же немецкий язык знала?

- Конечно.

- А дедушка?

- А дедушка польский, а не немцы.

- А где они венчались?

- Не знаю.

- Бабушка перешла в православие? Или нет?

- Ира, я этого не знаю.

- А об этом никогда в семье разговоров...

- Не было.

- А какие-нибудь религиозные традиции – сохранились в семье? Они атеистами были?

- Да. Он [дедушка] был атеист.

- Мама – это уже другой вопрос, параллельный.

- Это я могу расспросить у Светланы все, что она помнит, о родителях, о бабушке, о маминых родителях и тогда расскажу.

- А папины родители? Бабушка с дедушкой, вторые бабушка с дедушкой.

- Мои вторые бабушка с дедушкой, папины родители, они вяземские, под Вязьмой есть такая деревня Холмовая, вот, и в Холмовой они всю жизнь прожили, у них было, значит, сестра и четыре брата. Он [папа] был младший брат. Младшим в семье ребенок. Вот, и ушел... его призвали, когда ему исполнилось 18 лет...

- А чем они сами занимались?

- Они крестьяне, середнячки, отец в детстве работал в людях, как говорится, у помещика помогал, работал у помещика. И когда исполнилось 18 лет, его призвали в армию, и призвали в Петербург...

- Это в каком году?

- Это был конец 17-го, вот, в 17-м году. И как раз началась, как раз революция произошла, нет, в начале 17-го, потому что он прослужил буквально два или три месяца, и произошла февральская революция, и полк расформировали. И он пошел на учительские курсы. Здесь же, в Питере. И в 18-м году закончил учительские курсы. И после этого... (перерыв в записи) ...вот я тут, у меня записи – значит, в декабре 16-го он был призван в армию, рядовым Финляндского Гвардейского полка в Ленинграде. И после расформирования полка он поступил на знаменские курсы народных учителей.

- А до этого он школу закончил? Там, у себя?

- Там, у себя закончил школу, да. Вот, и после окончания курсов был учителем в деревне Вяземского района. Потом там же, в 18-м году вступил в партию. И был избран председателем Рабпроса в городе (**Юклове [так?]**), (**Юклов [так?]**) – это Смоленская область, Вязьма – тоже Смоленская область. До 21-го года. В 21-м году он переведен в Ельню Смоленской области, где был избран председателем уездного исполкома. И там он познакомился с мамой, которая работала в это время машинисткой в военкомате.

- мама уже где-то училась?

- Да. Она уже закончила, гимназию закончила. Она закончила гимназию уже в это время и работала машинисткой, потому что нигде работы другой не было,

- А мама рассказывала какую-нибудь романтическую историю как они познакомились?

- Однажды рассказывала романтическую историю, но только до знакомства с отцом. Как на белой лошади к ней приезжал там какой-то офицер военный, и он там из части прискакал, и там гарцевал вокруг, описывала как-то. Просто познакомились [с отцом] на работе, он стал ухаживать за ней, и маме было восемнадцать, когда они поженились, он на шесть лет старше, двадцать четыре, значит, было.

- мама в партии не была?

- Мама в 32-м году вступила кандидатом в партию. Она была комсомолкой, и вот работала в райкоме комсомола. Когда она в 32-м году вступила в партию, она стала работать в райкоме комсомола. А до этого она тоже в школе какой-то там же в Пригородном районе ВЛКСМ работала, в райкоме. А до этого работала учителем Володарской семилетней школы.

- А скажите, значит, они познакомились в Ельне, да?

- В Ельне познакомились, поженились. Потом отца перевели в Смоленск, вот, управляющим трестом Смолпромторг, в Смоленске. Они уехали в Смоленск.

В Смоленск, потом уехали в Ярцево, она ездила все время за отцом. Потом в Орел уехали, в Орле она училась в музыкальном училище, мама, вот, потом она много лет подрабатывала, давая уроки музыки. Вот такой был хлеб, потому что у учителя очень маленькая зарплата. Ну а в 30-м [отец] поступил в планово-экономический институт в Ленинграде, откуда его перевели в институт красной профессуры, и дальше вот уже он попал 33-м в Азов начальником станции, политотдела МТС.

- Итак, вы попали к бабушке с дедушкой.

- Мы попали к бабушке с дедушкой...

- Вместе с няней...

- С няней. И мы там жили, а мама вот в декабре 38-го года, когда к власти пришел Берия. Он сделал какое-то послабление женам арестованных и часть из них были отпущены, в том числе и наша мама. Она...

- когда она вернулась?

- Декабрь 38-го года.

- В декабре 38-го года...

- Да. В декабре 38-го. И вот она... Она рассказывала, как сказали – Дударева с вещами на выход. Она не знала – то ли отправляют куда-то ее этапом, то ли на суд, то ли куда, ну, с вещами вышла, а ей и говорят – вы свободны. Тогда она попросила разрешение отдать вещи тем, кто там остался – там было очень много женщин, которых брали прямо на улице, там, без всяких там [вещей] сборы вещей дома, они делились друг с другом и все-таки она хотела оставить одеяло, и халат, там, тапочки, все. И ей не разрешили ничего оставить. Ну вот она с этим тюремным запахом пошла в Ростове к женщине, с которой вместе сидела. Они ей дали там как бы деньги, чтобы добраться до Ельни.

- А дома уже не было?

- До Азова, до Азова добраться. От Ростова до Азова. В Азове она пришла и сосед ей говорит – не беспокойтесь, ваши дети в Ельне. А она говорит – а я и не беспокоилась, думая, что мы сразу в Ельню попали. Ну вот оказалось, что мы через детский спецприемник попали в Ельню. Ну и она тогда уехала в Ельню. И в Азов больше никогда не возвращалась, так она наши вещи все бросила...

Да, еще перед тем, как только отца арестовали (перерыв в записи) как только арестовали отца и сделали обыск, отобрали, конечно, все книги, альбомы с фотографиями, очень много было фотографий, потому что отец и на съездах бывал там в Москве, и на всяких, вот когда собирались разные форумы, вот, и мама рассказывала, как она с мужем сидела в президиуме и Буденный на нее ус крутил – она была очень красивая. Вот, все забрали, вот, и выселили из квартиры в маленькую комнатушку в коммуналке. И вещи туда, конечно, не влезли, это все было в каком-то сарае сложено, так что мы остались там и без квартиры, вещи все пропали, и одежда вся пропала, все пропало. А вот что я хотела интересного показать – мне прислали акт о том, что было изъято лично принадлежащее

отцу. Вот, мама говорит, что у нас никогда не было оружия. А здесь [в акте] написано – наган, номер 5198,, мелкокалиберная винтовка, патроны, патроны к винтовке, к браунингу, браунинг, потом, значит, воинский билет, паспорт, рубль серебром – один, полтинников серебром – восемь, мелкокалиберные патроны и книги – Плеханов, **(Велен Ингулов [так?!])** – «Политграмота», Розенберг – «История политэкономии» – запрещенные книги, представляете? И разная личная переписка и фотографии – вот это целыми мешками. Потом что интересно – мама все доказывала все время, что у нас никогда не было оружия. И когда в 57-м году прислали вот о реабилитации бумагу [папу реабилитировали], и, значит, возмещение ущерба. Там было написано: за мелкокалиберную винтовку девяносто пять рублей, и за серебряный рубль и серебряные полтинники – значит, пять рублей. И всего сто. И мама получила сто рублей за все, что мы потеряли в Азове, вот так. Откуда такое, такой акт – непонятно.

- А вы помните, как мама вернулась?

- Я была какая-то очень дикая. Ну, во-первых, было мне пять лет, и чего-то всем этим очень напуганная, и я признавала только няню. И когда вернулась мама, я ее не признавала, я все время от нее пряталась. Вот. И только няня могла со мной справиться.

- А, подождите, вам было пять лет, когда мама вернулась?

- Нет, это пять лет, когда война началась, в 41-м... (перерыв в записи) Значит, два года и... с апреля по декабрь – два с половиной года. Два с половиной года было. Пять лет – это когда война началась. Два с половиной года было, и я от нее все время пряталась.

И только постепенно, постепенно, и то, сначала никак не удавалось – получалось так: Светлана старшая. В семье денег мало и поэтому Светлане покупали игрушки, Светлане покупали одежду, а когда она вырастала, все переходило ко мне. И практически у меня не было ничего своего. Это бывшее Светланино, бывшее Светланино, и я какая-то была в те годы немножко... чувствовала себя немножко ущербной даже в те годы. Вот, и потом уже, маме когда объяснили все это, почему это происходит, она стала мне лично покусать – тогда отношения наладились с мамой.

- А так больше няня была?

- Да, няня была у меня, [она] и мама, и папа, и все для меня было. Поэтому я о ней и говорю все...

- Вы жили вот большой семьей: бабушка, дедушка, няня, мама – а кто работал? Кто семью содержал?

- Ну, работала мама. Она работала – ну, во-первых, она уроки музыки давала, вот, потом, я даже не знаю – работала ли она тогда в школе? Наверное, все-таки работала.

- А дедушка? Дедушка не работал?

- Дедушка работал землемером. До войны работал землемером. Ну, землемер, это... он землю не мерил, он за столом это все делал. Он работал землемером.

- А бабушка?

- Бабушка не работала, нет, тогда, в те годы не работала.

- А как бабушка с няней ладила?

- Хорошо ладила. Ну, няня не претендовала тогда уже на главенство, а просто была как... как это... экономка в доме. Она распоряжалась едой, столом – что сготовить, как сготовить, когда подать – это все в ее ведении было. Но она еще, ко всему прочему, была баптистка. И я вот помню, иногда к ней приходили баптисты и они, баптисты, всегда при встрече целуются. И молодежь всегда завидовала – вот бы пойти в баптисты, чтобы можно было открыто целоваться. Тогда же нельзя было, это сейчас целуются в открытую. Но она нас никогда не пыталась пристрастить к вере. Никогда, до самой смерти, никогда. У нее было Евангелие, она его открывала, что-то шептала, мама ее пыталась научить грамоте, ну, расписываться там научила, немножко. Не знаю, могла ли она читать по-старославянски, во всяком случае, она с этим Евангелием в уголочке часто шептала что-то. Но нас никогда не пыталась приобщить.

- Ну а как – вам же было интересно, вы же, наверное, ее спрашивали, что она делает, что это такое?

- Ну, она – это молитвы, молюсь, молюсь.

- А вы не пытались?

- У нее там все, кто приходил, назывались братья и сестры, вот, приходили братья и сестры, и все приходили до самого моего отъезда в 60-м году практически из Питера постоянно навещали ее и братья, и сестры.

- А вам интересно это было в детстве?

- Было интересно, но так как мы атеисты, мы считали – это все смешно, ну как это – верить в какого-то бога, эти какие-то молитвы шептать, все это было как-то несерьезно.

- а детское любопытство-то все равно было – подсматривали, подслушивали, хихикали – чего делали?

- Ну, хихикали, но мы не мешали ей молиться, садились, ели, разговаривали. А они никогда не крестятся, баптисты. На собрания она ходила на баптистские, вот мы всегда знали, что в такие-то дни она одевалась так, чистенько, красивенько – пошла на баптистское собрание.

- А расскажите о воспитании в семье – кто большее влияние оказал, ну, в смысле моральном, в смысле такой нравственно и политически, разговоры о политике...

- О политике разговоров было мало, ну что, я знаю, что когда маму арестовали, ее исключили из партии. Сначала ее убрали из отдела кадров в Ростове, потому что не может же кадрами руководить человек, который исключен...

- Но это еще до ареста?

- Да, еще до ареста. Который исключен из партии, у которой муж сидит. Ну вот, ее убрали из кадров, там на какую-то простую счетную должность [перевели]...

- А у нее не требовали отказаться от мужа?

- Требовали, постоянно требовали, но она не отказалась.

- Расскажите...

- Да. И даже в тюрьме о ней ходил слух, что это та женщина, которая не признается, что муж у нее был враг и она не согласна от него отказаться. Она говорит, что она не верит в то, что он враг народа. Она его очень любила и очень ему верила.

- А на воле кто от нее требовал отказа? Еще до ареста?

- Ну, органы...

- На работе?

- Нет, ее вызывали в НКВД? В НКВД много раз и требовали, чтобы она рассказала, какую вредительскую деятельность он проводил, каких, чем он занимался, какие были ли там сборища, кто приходил, и прочее. Она всегда говорила, что он честный коммунист и всю жизнь посвятил, значит, своему, строительству коммунизма, и никакой вредительской деятельностью не занимался и она не согласилась от него отказаться.

- И потом, после ее ареста у нее дальше требовали, чтобы она отказалась?

- После ареста... Получилось так, что она практически единственная была в камере, на которую было заведено свое собственное дело. Остальные все сидели как жены, и каждый раз, когда была переключка... Да, когда ее привезли в тюрьму, из Азова в Ростов, ее посадили там в какой-то приемный [бокс], и она сидела на своем чемодане много часов. И за это время она видела многих, кого приводили, ну, мужчин, арестованных. И на пересылку, и которых привозили на выездную сессию военной коллегии, она с ними разговаривала, откровенные игры и разговоры вела. И как-то она..., а на нее не обращали совершенно внимания. Потом уже, к вечеру, вспомнили про нее – отправили ее в камеру. И каждый день, когда была переключка, ее в списках не было. И она каждый раз говорила – а я? И ее приписывали в конце списка. Каждый день. И потом она очень волновалась, что судьбы всех как-то решаются, а ее судьба никак, она нигде почему-то не числится. Ну вот и так до декабря... Многие, Раскина жена – у нее тоже дети

были маленькие, пять человек детей, и младший был годовалый, вот – ее отправили в Казахстан на пять лет. И все говорили, как...

- С детьми?

- Детей старшая сестра, старшая дочь [Раскиной] от первого мужа увезла в Москву. Когда мать арестовали ее, еще до того, как... ну, в общем, до ареста отца она увезла и еще до ареста матери, в общем, их не успели забрать, они все уехали в Москву. А ее отправили в Казахстан. Ну, в Казахстане надо поискать [в архивах] – в Москве нет ничего по Раскиным, - я искала. И все говорили – повезло, пять лет только. Мама все ждала – когда же ее вызовут, когда она получит срок и вот до декабря дождалась, и ее выпустили вместе с теми, вот кого стали выпускать. Так что там никаких допросов, никогда ее не вызывали. Никогда. Потому что она нигде не числилась.

- А как мама объясняла – почему отца арестовали, почему ее арестовали – как она это объясняла?

- Когда начались аресты, какое время были, она говорит, мы [она с отцом] разговаривали о том, что – как же много, оказывается, у советской власти врагов. Что этот враг, и этот враг, что этот враг... Но когда стали сажать друзей, и когда... людей, которых они знали, и они знали, что они не враги – тогда они перестали верить в то, что давят врагов, что это просто политика. Политика государства – убрать верных ленинцев, убрать... ну, конечно, знали, что это Сталин все знает, они не думали, что это несчастный Сталин ничего не знает, и надо ему писать письма жаловаться. О том, что он все знает – об этом знали и, конечно, говорили.

- Как мама, уже после тюрьмы – как она вам объяснила арест отца, свой арест?

- Она не объясняла, она дома никогда на эту тему не говорила. Уже вот в 60-х годах я уговорила ее написать **воспоминания** [***], когда это уже после хрущевской оттепели, до этого она никогда об этом не говорила. Ей, когда она работала в школе, в Ельне, там вот, когда после войны мы вернулись, там все было разбитое, и стали восстанавливать школу и мама не учительствовала, а была там – руководила восстановлением школы. Как прораб. Потом она закончила московский институт Ленина педагогический заочно, и преподавала русский-литературу, и ей предложили, в райком вызвали и предложили восстановиться в партии, потому что ее хотели сделать завучем. Она отказалась. В партии она отказалась восстановиться, и ее завучем не сделали.

- А как она это объяснила? Дома-то она как-то объясняла?

- А объяснила так, что она...

(конец записи)

Кассета №1, сторона В

Объясняла, что она из этой партии не выходила. Да, что ни она, ни муж не были ни в чем виновны, и все их друзья, но она тогда еще считала, что отец на десять лет без права переписки, и где-то сидит. Она даже не знала, что он расстрелян. О том, что он расстрелян, а это уже аж в 57-м году нам прислали бумагу, о реабилитации, и там было написано, вот здесь вот, в 57-м году заключение [читает]: «я, начальник Азовского... архивного отдела УКГБ по Ростовской области майор Чернов, сего числа – то есть 13 сентября 57-го года, рассмотрев материал архивно-следственного отдела по обвинению Дударева Василия Дмитриевича, определение военной коллегии верховного суда номер такой-то от 18 июля 57-го года и предписание военной коллегии верховного суда от 7 сентября 57 года нашел – Дударев Василий Дмитриевич, работая секретарем азовского райкома... районного комитета ВКПб 30 августа 37-го года был арестован азовским районным отделом НКВД и приговорен военной коллегией верховного суда СССР от 19 июля 37-го года, осужден с конфискацией принадлежащего ему имущества...» Дальше – «Дударев Василий Дмитриевич, отбывая меру наказания умер в местах заключения. И прислали бумагу, что он умер 4 ноября 44-го года, место смерти – прочерк, причина

смерти – прочерк, и все остальное – прочерк». Вот, так что еще в 57-м году мы все считали... Только после смерти матери мы узнали, что он расстрелян в Ростове.

- А мама в каком году умерла?

- Мама умерла в 74-м. Ей было ровно семьдесят лет.

- А скажите, а как это сказало в вашем домашнем воспитании? Такое мамино четкое понимание того, что партия такая?

- Ну, разговоров не было о том, что вот не вступайте в партию, она такая-сякая, этого не было – она никаких разговоров не вела. Ну, она воспитывала как учитель, она была очень занятой человек, потому что ей нужно было кормить себя, няню, меня и Светлану. На учительскую зарплату это очень трудно всех прокормить, поэтому она работала в три смены. Первую, вторую и вечернюю. Она целые дни была занята. Зная, как мама трудится, работает, приходит ночью, садится проверять тетради, сочинения, диктанты, изложения там, мы, конечно, относились к ней очень трепетно, и когда она в двенадцать часов ночи приходила и говорила – ой, у меня кончились папиросы, я бежала ночью на вокзал, мы близко к вокзалу жили, и покупала ей ее любимый «Норд». И она курила непрерывно.

- Она курить начала в тюрьме?

- Курить она стала в тюрьме и всю жизнь потом курила. Вот, и поэтому как-то мы жили... у нас была одна комната и малюсенькая кухонька отгорожена. И в этой кухоньке стояла кровать нянина, а мы втроем в комнате.

- А бабушка с дедушкой в другой комнате?

- А это я имею в виду после войны это было...

- А до войны у нас такой двухэтажный домик деревянный был, мы были на втором этаже жили, а на втором этаже **Хромченковы** семья жила. Вот, а потом, когда родители состарились, мы поменялись – мы перешли на первый этаж, они на второй... Бабушка с дедушкой состарились и мы спустились вниз. А Хромченковы перешли на второй этаж. И я вот помню вот этот дом, деревянный, большой, и во двор выпирал такой деревянный... задняя часть магазина. И между нашим домом и магазином был такой удобный уголок, и там висели качели. Качели такие, на которые садишься и закрываешь вот так досочку и качаешься. Так эти качели хорошо помню. А с другой стороны двора был забор и ворота, почему-то высокие-высокие ворота, такой аркой, и выходили они в огород, эти ворота. Ну а с третьей стороны был соседний дом, где жили Носовы, и девочек звали Лена и Маня. Вот это вот я очень хорошо помню, эта довоенная вот эта картина перед глазами. Мне как раз в пять лет...

- А когда вы жили с бабушкой, с дедушкой, и с мамой, и с няней – у вас такое потрясение семьи, – отца арестовали, потом мама в тюрьме была, потом мама освободилась, как-то обсуждалось? Что няня по этому поводу думала?

- Няня говорила всегда, что это такой человек [папа] замечательный, что... вот она даже говорила, что он за всю жизнь ни разу не выругался. Ни разу, за всю жизнь.

- Ну и как она объясняла, почему его арестовали?

- Ну я же не спрашивала – мне же было два, три, четыре года. Что я могла спрашивать? Я с бабушкой и дедушкой рассталась навсегда в пять лет.

- А других бабушку и дедушку?

- А тех я не знаю, и вообще никогда не видела.

- вообще никогда не встречались?

- Нет. Я знаю только папиных братьев – Семен был петербуржец, потом это во время войны он успел эвакуироваться, под Рязань, под Рязанью – он был медик, зам аптекой он был. И когда мы убегали от немцев – ну куда деться? Мы с Семеном связались, и мы приехали к нему в Рязань, и он помог устроиться под Рязанью маме учителем в школе. Вот, потом Иван в Вязьме. Ивана я лучше всех знаю, и тетю Олю его жену, потому что когда мама в Москву ездила сдавать сессию, она всегда меня в Вязьме высаживала, и я ехала к Ивану, и пока мама на сессии, я живу у Ивана. И вот и так было

пять лет подряд. Поэтому эту семью я очень хорошо знаю. Иван, и Володя, и всех детей. Старший, Федор – вот того я мало знаю, я немножко знаю его двух сыновей, они бывали в Вязьме. А Федора один только раз видела – он такой высокий, такой... Ну вот и тетя Поля, которая всегда жила у мамы...

- Ну то есть у вас почти общения практически не было?

- Не было абсолютно.

- расскажите, какие книжки вы с детства помните, главные вот, самые первые. Что вы такое читали... или бабушка, может быть, что-то пела, сказки какие-нибудь рассказывала? Или няня сказки вам должна была рассказывать...

- Я не помню, я сейчас не могу сказать. Какие сказки мне читали, и какие я потом читала – я сама лет с шести я сама уже все читала...

- Но все равно – няня рассказывала какие-нибудь истории или что-нибудь рассказывала?

- Не помню.

- Значит, и мама до войны все время отца искала?

- Да, мама искала, запросы все время писала, особенно когда прошло десять лет, вот десять лет, это...

Она писала, когда прошло десять лет, а пока десять лет не прошло, она не искала, потому что это было очень чревато тогда это – могли опять ее забрать, она побаивалась. Ну вот, а когда прошло десять лет, значит, это, уже с 47-го года, она стала писать в управление лагерей, вот, и ей отвечали...

Да, еще интересный такой случай был после войны, мы когда вернулись, в Ельну из Рязанской области, то Ельна была практически вся разрушена. Целых домов почти не было. Кое-что успели там восстановить, вот, и мы нашли тех же самых Хромченковых, они жили в деревянном доме. И вот они нас приютили, с которыми мы жили до войны, и мы у них там жили – кто в коридорчике, кто на печке, пока нам с еще одной семьей где воевал муж, пять детей, вот он воевал, дали такой кусок дома – часть была бомбой сбита, а большая часть сохранилась. Нам вот дали с той семьей и мы все вместе его восстанавливали. Мы со Светланой на тележке и с няней ездили за город, там была такая конюшня немецкая, она была вырыта в земле, вот, и уложена вся бревнышками. Вот эти бревнышки мы раскапывали, и привозили на тачке и восстанавливали вот это дом вот, сами себе пристраивали сарайчик, няня сама сложила плиту, в общем, все делали сами, несмотря на такой возраст. И однажды вдруг ночью стук – мы выходим. Ирина Николаевна здесь живет? Да. Пришел [незнакомый человек] и говорит – я сидел с вашим отцом в лагерях. Ну да, с нашим отцом, с мужем маминым, Василием Дмитриевичем. Он жив-здоров, просит передать привет, но вы никому не говорите, а то мне будут неприятности, что я зашел, это не разрешается. Ну, вот, он жив-здоров. Ну и он ушел. Ночью. Мы сначала все восприняли духом – папа жив, папа жив. А потом при здравом рассуждении... ну, во-первых, откуда папа знал, что мы вернулись в Ельну. Во-вторых – мы живем совершенно по другому адресу, а мужчина пришел ночью, чтобы никто не знал, что он нас посетил. Как он мог, от кого узнал наш адрес – ну только в НКВД, конечно, больше нигде, и мы поняли, что это подсадная утка.

- Это мама так сообразила, да?

- Да. Что этого не может быть.

- А когда вам мама первый раз сказала, что отец арестован?

- Ну как – когда?.. Это... Сразу, конечно.

- То есть с раннего детства вы знали, что мама в тюрьме, потом что мама пришла...

- Да, это мы знали сразу, что отец арестован, мы всю жизнь как дети врагов народа были...

- А как мама отвечала – ну вот вы стали подрастать, там, все время же к этому вопросу возвращались, за что папу арестовали... Как мама отвечала?

- Ну, как-то тогда уже в те годы, когда мы стали понимать, уже 37 – 38-й год был у всех на устах, и все знали, что это были политические репрессии, и что сажали невинных людей. Это практически все знали.

- А вот дети врагов народа – как на вас это отражалось? В школе или...

- Ну, отражалось – вот самый яркий пример: Светлана закончила школу с золотой медалью. И поехала в Петербург поступать в... а тогда был тут английский какой-то институт, почему-то институтом английского языка был, вот, они а, ты с золотой медалью, и в этот день тут было собеседование, и никаких экзаменов не надо. Она пришла на собеседование, все прекрасно, побеседовали. Потом спросили про отца, она сказала, что отец репрессирован в 37-м году. И они так переглянулись и сказали – вы знаете, деточка, у нас прием отличников закончен.

- Это в каком году было?

- Это был 52-й год. В 52-м году сказали – прием отличников у нас закончен. И она с горя поступила в лесотехническую академию. Решила, что она будет проектировать парки и клумбы. Но... а там оказалась сплошная химия, и она через три месяца сбежала, вернулась в Ельню. И на следующий год она поступала уже в герценовский институт [педагогический] на факультет английского языка, но при вопросе про отца она сказала – вот, написано у нас... ну, не написано, просто – умер в 44-м году. Как нам ответили из НКВД – умер в 44-м году. Она сказала – умер в 44-м году. Никто не спрашивал – где, когда умер. И она поступила на факультет английского языка. Это яркий пример.

- А когда в комсомол вступали? Вы, Светлана? Вы в каком году вступили в комсомол?

- Я в комсомол после восьмого класса вступила.

- Это, значит, какой год?

- Это, значит, сорок четыре плюс восемь – в 52-м.

- И не было вопросов?

- Вопросов не было, да. Ну а вот когда Светлана поступала второй раз, уже был 53-й год осень, возможно, они подумали – ну уже, уже это не так строго придирались.

- Вы сказали такую фразу, что вот вы как дети врагов народа себя воспринимали – а в чем это проявлялось? Какие-нибудь притеснения были?

- Я даже вот сейчас не могу таких припомнить конкретных случаев. Ну вот, даже когда... ну вот когда я уже в милицию поступала [работать], после того, как развелась с мужем и мне в школу было не устроиться, потому что в начальных классах шла перестройка с четырехлетнего образования на трехлетнее начальное, и сокращали учителей, а я как раз уехала от мужа, и нигде в школу не устроиться, и я пошла в детскую комнату милиции и вот тоже вопрос об отце встал ребром и проверки рассылали...

- Это какой год был?

- Это был 70-й, январь 70-го. Проверки рассылали во все места, где он работал – и в Ярцево, и в Смоленск, и всюду слали проверки.

(перерыв в записи)

- Это Гюнтер, вот... [обсуждение семейного древа]

- Юлиус, сын бургомистра города (Тукума [так?]) Курляндской губернии. И вот они все везде – (Тукум [так?]), (Тукум [так?]). Вот, в (Тукуме [так?]) родился, Курляндской губернии.

- расскажите теперь про войну... начало войны вы помните хорошо, да?

- Не то, чтобы хорошо, но я помню как ехала телега, на которой были вещички наши и Хромченковых, вот, а мы шли пешком, удирали мы когда из Ельни, когда война уже приближалась, к Смоленску, к Ельне, были заняты – Смоленск, Ельня, а потом уже немцы дальше продвигались. Ну вот, мы шли пешком, а так как у меня было в то время воспаление легких, то меня в конце концов посадили, и я ехала и чайник держала в руках.

- А кто уходил? Мама, няня...

- Мама, няня, Светлана и я, и Хромченковы – тетя Нюра, Миша и Рая.

- А бабушка с дедушкой почему не ушли?

- А они сказали, что война скоро кончится. Они не хотели уходить, уверены были, что шапками забросаем, что у нас всегда на запасном пути есть войска, которые будут ... Мы ушли за двадцать пять километров. Там, в деревне, какое время пожилы, но война не кончается, немцы все ближе, и тогда мама решила пойти за родителями, чтобы уйти вглубь страны. И ее не пустили к родителям. И она вернулась, и мы поехали – сели на поезд, там где-то еще ходили, и поехали в Рязань.

- А в Рязани, что было?

- В Рязани жил папин брат Семен. Он работал зав.аптекой там в Рязани. И мы какое-то время прожили у них, пока мама устроилась в семилетнюю седьмую ленинскую школу под Рязанью. И там школа была семилетняя, но, может быть, даже средняя, но не было начальной школы. И вот, в 42-м году Светлана пошла в школу – это три километра надо было идти пешком, она там ходила с детишками, у нее тогда... было время, по разлившимся рекам, по грязи лазила, вот. А в 43-м, когда должна была пойти я, то мне нечего было одеть, ничего не было в деревне, а надо было три километра тащиться, по грязи, а у меня были только тапочки простые, а в этой школе, где мама работала, не было начальных классов, и я в 43-м не смогла пойти в школу.

Потом объявили по радио, что Ельню освободили, и можно ехать, возвращаться домой со всем своим скарбом.

- Это когда было?

- Это 44-й год, май. В мае мы приехали, и это мы ехали больше месяца. Мы собрали весь свой скарб в сундуки и козу Зойку, камлатую, безрогую. Погрузились все в вагон, грузовой, и нас отправили. На каждой станции наш вагон с беженцами от эшелона, потому что эшелоны шли, в основном, военные, на запад, и назад с ранеными. Беженцы никого не интересовали. На каждой станции проторчав несколько дней мама шла к начальнику станции, плакала, умоляла подцепить куда-нибудь вагон. И вот в течение месяца мы вот так вот добирались медленно-медленно. Без еды без всякой, кроме Зойки – Зойку тоже кормить надо, козу, в конце концов мы добрались. Правда, я вот помню, что так дернуло однажды поезд, когда подцепили вагон, его дернуло, и что няня упала и ударилась головой о край сундука. И с тех пор она стала плохо слышать на одно ухо. Когда мы высадились в Ельне, наконец, то там лежал снег. Этот снег лежит и полуразрушенный совершенно город. В общем, мама пошла по городу бродить-узнавать, и узнала, что там живут Хромченковы, и мы тогда вот к ним приехали, пришли, притащились и они нас в это время пустили к себе.

- А вы дружили с этой семьей?

- Ну, мы жили в одном доме – да, дружили и жили в одном доме.

- У них тоже были дети?

- Двое – Рая, моя ровесница, она 37-го года, и Миша старший. Старший. Мы с Мишей все время дрались, я была очень такая – боевая всегда в детстве. Ну вот с Раей мы и сейчас еще переписываемся, я когда в Ельне бываю, я всегда к ней захожу, сейчас у меня моя подруга умерла, с которой мы вместе в школу ходили много лет, так что Рая мне всегда говорит – когда приедешь, приходи ко мне, всегда для тебя вот комната готова.

Тетя Нюра умерла – мать ее, умерла всего года три-четыре назад.

- А мама вот с этой тетей Нюрой дружила, да?

- Мама не очень дружила, потому что тетя Нюра простая, простая совершенно крестьянка, крестьянская женщина, малообразованная, а мама все-таки учительницей работала, и семья такая интеллигентная. Но дружно жили. Дружить не дружили, но жили дружно.

- А муж тети Нюры?

- А мужа тети Нюры я никогда не помню, куда он делся, не знаю. Я с 41-го года его не было, а вот куда он делся, не знаю... Может, в армию забрали.

- А когда вы узнали, что бабушка с дедушкой умерли от голода?

- Это когда мы вернулись в 44-м, ну, нам же некому было написать в Ельню, узнать, что там. Потому что все оттуда... все, дома сгорели, адреса поменяли, люди уехали. В 44-м, когда мы вернулись, нам рассказали. Мы пошли к этим Муратовым, ну, с Муратовым дружили, он был тоже какой-то ученый, научный работник, Муратов, и он тоже во время войны умер. А его жена осталась. И вот она показала нам такой холмик в огороде – и здесь они [дедушка с бабушкой] и жили, и здесь была землянка, они умерли и землянку их засыпало, и бабушка с дедушкой так и остались на этом огороде. А Муратова старенькая была, не работала, конечно, и мы ее все время поддерживали – у нее был такой таганочек маленький, и еще примус или не примус, такой таганок, и мы всегда ей приносили еду, до самой ее кончины, много лет и столько лет мы ее подкармливали.

- А что у нее ни пенсии, ничего не было?

- Наверное, была, а может и не было ... Тем более в послевоенные годы, так пенсии не у всех...

- У бабушки и дедушки – у них так и осталась эта землянка как могила? Вы ее как-нибудь отметили, ухаживали?

- Ну, сейчас уже давно сравнивали с землей... да, сравнивали, там же каждый клочок земли засаживали, засеивали, и раскапывать землянку и доставать кости не стали, а люди не хотели, чтобы посередине их огорода [могила оставалась] – копали же на лошадях, и с плугом, и она сравнялась с землей.

- Расскажите как вы жили у дяди – дядя же вас к себе пустил?

- Да, мы у дяди жили, но этот период я плохо помню, я только помню, что вот дядин сын, Женя, он где-то там служил или работал, и мама однажды к нему ездила через... а как она, через Оку, на каком-то пароме, и очень было страшно, был сильный ветер, шторм, вот я помню, она однажды к Жене ездила (на пароме [так?]). Ну вот она работала там в школе. мама-то..., под Рязанью в школе работала. Но там, в этом... в деревне в этой народ зажиточный, они совершенно не понимали вот голодных беженцев. Совершенно. Не то, чтобы там помочь чем-то – нет. Няня работала в колхозе, там, но там одни палочки, трудодни и потом давали уже, когда выросло что-то, овощами давали в основном, оплачивали трудодни, а денег, конечно, не было. Вот. И вот только что мама зарабатывала. А что-то у кого-то купить было невозможно, и няне приходилось двадцать пять километров ходить на базар, чтобы купить там масло, молоко – за двадцать пять километров она в Рязань ходила на базар.

Еще интересно – когда... это как раз деревня, она была на границе, с одной стороны были немцы, с другой стороны – наши войска, защищавшие Москву. И вот это место беспрерывно бомбили, где мы были, немцы бомбили беспрерывно. И мы у нас там вырыли, там такой холм большой был, в этом холме углубления, землянки такие. И во время бомбежки туда прятались. И когда мы рыли, там были очень интересные вещички такие какие-то – ну, много... столетней давности. Там какие-то захоронения, наверное, были. Такие полукруглые, перламутровые – очень симпатичные. Мы там копались и играли все время с этими вещичками. А няня почему-то не боялась бомбежки, она, пользуясь тем, что никто не работает, все прятались, она выносила одеяло во двор и ложилась отдохнуть. И говорила – как Бог пошлет. Судьба моя, мол, предрешена, и если Бог не захочет, то меня не убьют.

- А скажите, вот в школе, когда вы в пионеры вступали, в комсомол вступали, у вас не было какого-то такого ощущения, что вам это не нужно, что... как вы вот относились к строительству коммунизма?..

- Нет, мама об этом никогда не говорила, нет, не говорила, и тогда, в те годы отцов ни у кого не было. У нас в классе был только один Юра Пяткин, у которого был отец. Мы ему все очень завидовали, но больше ни у кого отцов не было. Поэтому отсутствие у меня отца просто не воспринималось. И как-то никто не интересовался, почему он отсутствует, потому что ни у кого их не было. Поэтому так пионерская и комсомольская организация так прошли спокойно.

- А вот какие вам книги были более близки в школьные годы? ...

- Я очень любила читать ну вот Марк Твена, меня даже вот... мама дарила книги и я все читала. Любительница чтения, Галюша. Я уже с десяти лет по вечерам читала – мама придет, лампу зажжет, все сидят – читают, она ведь проверяет тетради, комната одна, свет горит, ну чего там зря. А я, значит, тоже, привыкла уже лежа читать, с шести-семи лет, и так всю жизнь все читаю.

- Ну а какие ...

- Путешествия, исторические книги – вот такие...

- Ну а в отрочестве такие вот любимые герои, знаете, которые бы определили ваше будущее, всем в таком возрасте хотелось героями быть, ну вот какая-нибудь специальность романтическая – вот что...

- Нет, такого не было. Я вот с удовольствием читала книги как вот «Остров сокровищ», «Хижину дяди Тома» и никогда вот у меня не было какого-то идеала, чтобы я все время читала эту книжку, и выучила ее наизусть, или хотела бы повторить чей-то там подвиг или чьи-то поступки. Такого не было.

- Ну а вот романтическая мечта, , специальность будущая...

- Учителем всегда хотела быть, у нас как-то, не знаю, мама учитель, мамин брат, Миша, тоже преподавал в техникуме, в Смоленске, отец тоже начинал с учителя, сестра тоже педагогический вуз, и вот как-то вот то, что я буду учителем – это никогда не вызывало сомнения. И я всегда знала, что буду учителем. Я когда заканчивала школу, когда я закончила школу, я хотела поступить тоже в ленинградский институт, в герценовский, на литфак, но мама меня очень упростила, что Светлана уже тогда в Ленинграде на работе, она уже там давно учится, а я [мама] тут совсем одна останусь, она меня уговорила поступить в Смоленск, в Смоленске как раз в это время объявили впервые, что в педучилище принимают со средней школы. Раньше принимали с семилетки, учили четыре года, а тут стали принимать по конкурсу аттестатов, с десятилеткой, на два года. И вот она говорит – давай на два года, и вернешься сюда и будешь жить со мной, мама говорила. Ну и я поехала в Смоленск в педучилище, прошла конкурс аттестатов, два года там училась, и вернулась по свободному распределению. Вот, и пришла в РОНО, и мне говорят, что место есть только в сельской школе под Ельней. Сначала она была в трех километрах, а потом построили большую в пяти километрах, большую такую школу через пять километров. И я ходила туда пешком каждый день, каждое утро. И вот вместе со мной вот Люся [подруга] все ездила – ходила... Она гатчинское педучилище тоже после десятилетки закончила и мы с ней несколько лет вот вместе – утром звяк-звяк, звонком велосипед под окном, я выхожу, на свой велосипед и поехали. В грязь, в дождь, мы с ней на велосипедах, туда и обратно вместе вот так. Три года я так отработала, потом меня перевели в городскую школу, в ту, где я училась, которую закончила и где мама работала. Ельнинская средняя школа №1...

- А Светлана?

- Светлана уже вышла замуж, здесь осталась в Ленинграде после института. Потом уже, я, значит, когда там работала, Светлана привезла нам полугодовую Лялю, Борисову дочку, сама работала здесь, а я воспитывала Лялю, начиная с полугода.

- А мама?

- Мама, да, конечно, мама...

- Она уже не работала?

- Сначала и няня была, мама уже, как только Ляля появилась, и она не работала уже, ушла на пенсию, вот, и няня была сначала, потом я все-таки решила, что надо иметь высшее образование. Как-то меня не устраивало это педучилище, я поехала в институт герценовский. Правда, была такая форма, рекомендация РОНО на поступление в институт. И мне РОНО дало рекомендацию, и я приехала сюда, это 20% всех поступающих – по рекомендациям РОНО было.

- Это в каком году?

- Это был 60-й. В 60-м году я поступила в герценовский институт, на педагогический факультет, это педагогика и методика преподавания. Выпускают преподавателей педучилищ и методистов для кабинетов методических. Ну а так как выпускают довольно много народу, то многие получают удостоверение учителя начальных классов. Вот так и у меня получилось. У нас распределение было – сельская местность, Якутия. И все. Это меня немножко напугало. Но за мной там давно уже ухаживал там один молодой человек, и боясь сельской местности Якутии, я дала согласие выйти за него замуж. И в декабре, в конце 63-го мы поженились, в 64-м... мы в общежитии познакомились с ним, 1-я линия Васильевского острова, общежитие пединститута. И нас отправили... предложили нам Кемь или Колу, Кола далековата, - все решили Кемь, потому что здесь сестра, уже к тому времени, и мама ушла на пенсию, собиралась перебраться в Питер к сестре. Мы выбрали Кемь и в Кемь я работала четыре года, с первого по четвертый выпуск.

- А муж?

- А муж преподавал химию и биологию. Он химик-биолог.

- А вы меняли фамилию?

- Я, первый раз когда выходила замуж, еще в Ельне, не меняла. Потому что у меня муж был Яичков. И мне очень не хотелось...

- Как?

- Яичков.

- Подождите, так в Ельне – это еще до института?

- Да, еще до института. Еще до института.

- А кем он был первый муж?

- Первый муж работал в геологоразведке. Он был такой симпатичный, такой мужичок, правда, моложе меня на год, или на два даже, уже забыла, вот, и его отец работал в геологоразведке финансовым бухгалтером или там кем-то, и вот они там жили, при геологоразведке есть дома. И вот он стал за мной ухаживать, ходили на танцы там, в кино, вот, а потом ревизию провели геологоразведке и была большая недостача, и отца посадили. Мать [будущего мужа] быстренько собралась и уехала в Астрахань, где у нее родственники жили. А Генка никуда не уехал из-за меня, остался в Ельне. Вот, в его квартиру вселили семью, у него была раскладушка в кухне – так он и жил какое-то время. И я его заставила пойти в вечернюю школу, он ходил, и после школы приходил, и в любое время приходил, и сидел на диване целые дни, наконец, нам это надоело, что чужой мужик сидит целые дни и я вышла за него замуж. Мама была очень против.

- А почему?

- Ну потому, что видно – ленивый, прихожу я – вот, пять километров туда, пять обратно из школы, с большой сумкой тетрадей, которые нужно проверить. А он сидит на диване – книжку читает. Я говорю – Гена, ты хоть воды принеси, – я занимаюсь. Там, Гена, ну хоть что-нибудь сделай, – я занят. Вот в таком духе.

- Так он не работал, нет?

- Нет, он работал в геологоразведке. Он часто уезжал куда-нибудь в поле, в поле часто бывал, вот. Но это-то все такие мелкие, такие вот неприятные вещи, как... Он никогда не приносил зарплату. Я ему говорю – Гена, почему ты зарплату не приносишь? – У меня за отца вычитают. Я потом узнала, что это, конечно, бредни были, никто у него за отца не вычитал. Потом мы сняли комнату, я платила за комнату, а как-то... А было как раз лето, я была в отпуске и я не каждый раз вставала утром рано, чтобы его накормить. Как-то раз проснулась, а он собирался на работу идти. Смотрю – он там за бои запускает два пальца и вынимает оттуда деньги, и кладет в карман и уходит. Потом как-то я говорю – Гена, где твои пальцы? А вот, хозяйка, которые жили теперь в его квартире, вывесили просушить и кто-то украл. А Люся, моя подруга, с которой вот мы ездили [вместе в школу], говорит – соседу продал. Я ему говорю – я не прошу деньги, но скажи хоть правду. Потом... – Погладь брюки, вечером на танцы пойдем. Я стала гладить брюки, а у

него пистончик [потайной карман]) битком набит деньгами. И я... А утром я как всегда, перед тем, как идти на работу, он говорит – дай на папиросы, каждое утро. Я говорю – у тебя деньги есть. – Какие деньги? Я говорю – а вот, в пистончике. Он так покраснел и говорит – это не мои, это меня друг попросил, значит, поэкономить так его деньги. В общем, вот такой был человек. Ну и его должны были вот-вот забрать в армию. И уже холода начались, и пришлось ему ватник купить, на что-то на другое у меня денег не было. Вот, купила ему ватник, но в конце концов его в армию забрали, мы облегченно вздохнули. И попал он в сержантскую школу, я так надеялась, что в армии перевоспитывают, тогда очень многих, кого воспитывала армия, и армия была... не такая, никакой такой дедовщины, и было строго и все нормально. Но получилось так, что после сержантской школы его направили как спортивного, сильно так спортивно развитого, он руководил клубом. И вот весь инвентарь клубный в его подчинении. И никаких подъемов, никаких отбоев, никакой строевой службы – ничего. И он мне все писал – приезжай, вот я тебе свитер дам, то да се, вот что-то, в общем, общественное имущество, все приезжай да приезжай ко мне навестить меня. Ну вот однажды я поехала на теплоходе, Москва – Астрахань – Москва, и в Астрахани зашла к его матери. Ну, она была очень рада, ходила, меня всем родственникам и знакомым показывала, вот Генкина жена, вот то-то-то, и уговорила меня все-таки съездить к Генке. Ну и я вот не возвращаясь домой прямо из Москвы поехала в Астрахань. Приехала, он меня встретил, вот, идем мы с чемоданами, я говорю – куда мы идем? Ну, сейчас поищем. Поищем, куда нам пойти. Мы искали до вечера, нигде не нашли места, куда мне. Я села на чемоданы, сказала, что никуда не пойду, пока он не найдет, куда идти. Но в конце концов он в каком-то, на окраине города, в деревянном доме, за занавесочкой в общей комнате койку какую-то нашел. Но, в общем, в конце концов я оттуда уехала, и больше ему не писала. Он какое-то время писал-писал мне, а потом я уехала в Петербург, поступила в институт, вот, и мама мне его писем даже не передавала. Говорит, он стал всякие гадости писать. Вроде того, что ты из себя много мнишь, а у меня здесь уже жена есть, и ребенок. Ну вот. И, наконец, приходит, вызывают меня в суд, заявление на развод. Согласна я – конечно, согласна. Дала согласие на развод, и все, и у меня забрали свидетельство о браке, на этом кончилось...

- Ну а дальше – вы знаете о его судьбе, что потом с ним было?

- Ничего.

- А найти его не хотели?

- А у меня не получилось. ...

- Итак, вы получили распределение...

- По распределению мы поехали в Кемь, приехали, а там новое здание школы, и при школе две пустых квартиры. А директор в шикарной квартире живет в городе. И он нам ее предоставил. Мы приехали, два чемодана барахла – все старые вещи, которые мы еще потом четыре года носили в институте. И ничего больше. Пустая совершенно комната. Ну вот и так понемножечку, понемножечку, начали обустраиваться...

- А, так я же вас спросила – меняли ли вы фамилию? И вы сказали – первый раз не меняли.

- А потом я стала Ивановой. Я стала Ивановой и тоже, как только мне – (а у вас [так?]) как фамилия? Я говорю – Иванова. И мне всегда вот так ..., никто мне не верит, что я просто так назвала первую попавшуюся фамилию, и мне тоже очень-очень не хотелось быть Ивановой... Поэтому, когда...

- А как его звали?

- Виктор Иванович. Когда я... Он Виктор был, потому что он был ивановский, он очень окол. Многие отвыкают, окать-то, а он не отвык до конца дней своих. Окол. Его звали ВиктОр. У него было минус двенадцать диоптрий, он без очков ничего не видел, поэтому он когда сидел у нас в комнате в общежитии, девчонки говорили: ВиктОр, сними очки! Он снимал очки и они тут переодевались, тут ходили голяком... И когда вот я разводилась, уехала от него, я с удовольствием вернула свою девичью фамилию.

- А с ним почему вы расстались?

- Да вот как-то не везет на мужчин. Ну вот у меня всегда так получалось, что я все время работала во вторую смену, но работая во вторую смену – ну зачем в семь утра вставать? Когда я поздно ложусь. Я же после второй смены прихожу, я готовлюсь к урокам на следующий день, и тетради проверяю. И ложусь поздно. Вот, а он очень был недоволен этим, я иногда говорила – помоги вот истопить эту колонку, воды нагреть. Или там что-нибудь еще помоги. А он мне всегда отвечал – пораньше будешь вставать, все успеешь. Никогда ничем не помогал. Правда, обедали мы – ну, перекусывали там в школе-интернате, при школе-интернате дом. Дом такой учителей. Но в этой школе-интернате был контингент двух сортов – одни дети из приходящих деревень и станций. Лукошино там, Михайловка, там, где никого не... для туберкулезников и все такое прочее, дети. А вторые дети – это собранные с... это октябрьской дороги, школа в Кеми от железной дороги школа. И здесь интернат железнодорожный. Собраны с октябрьской железной дороги и там, где поблизости нет школы. И те, кто родители не воспитывают своих детей. **Имчуги [так?]** там, цыгане, из Бологое очень много было цыганских детей и детей алкоголичек, работающих кайлом на железной дороге. Ну вот, так вот у меня приходишь в класс, там дети-то сидят – у кого мешки под глазами, у кого голова редькой хвостом кверху – пустые совершенно глаза. Я так много билась, чтобы они хоть на троечку что-нибудь успевали. И я вкладывала всю душу, когда работала, и в Ельне, и в Кеми – кемские дети мне до сих пор звонят, с днем рождения поздравляют, приглашали меня на выпускной вечер и я поддерживаю связь, я с родителями, потому что я постоянно – и кружок русского языка, занимательный русский язык вела, и кружок рисования вела, и постоянные походы, постоянные вылазки и все. А здесь, с этими детьми, вот мы ничего, вот сам начинаешь тупеть от этого. И я директорисе сказала – а директориса женщина, что вот если я четыре года отведу, если мне не дадут приходящих, мы отсюда уедем. Я больше работать не могу...

- Что значит приходящих?

- Вот этих детей, нормальных, из деревень окружающих. А она сказала – мне ответила, что у меня вот преподаватели, которые до вас работали, они пришли на условиях, что они будут только с приходящими работать. А у них до этого несколько лет не было химика, дети кончают школу не проходя химию. Конечно, поступить в вузы, где химия, они не могут. И Виктор химию преподавал, к тому же еще фотокружок. Они за него уцепились. Ну, раз им нужен Виктор, а я сказала, что мы уедем, то они всячески стали стараться нас развести. А Виктор еще поддерживал их (ход такой – вот мне сказали, что тебя видели с кем-то на лыжах там. А там вот выходишь, ставишь, надеваешь лыжи и ты уже в лесу. Там, Лукошино сразу лес... Вот там в лесу с кем-то тебя видели. Ну мало ли там народу ходить – с кем-то меня видели в лесу. Вот он, бывало, наденет [лыжи] и за мной, по лыжне. Вот, видел там кто-то дорогу пересек. Ну там же много народу катается. Потом я всегда ходила и в Кеми, и здесь в волейбол играть в зал, в спортивный зал. Ну там, старшеклассники и учителя. И вот, ты много внимания уделяешь там одному учителю, Геннадию. А его жена завучем была по воспитательной работе. Симпатичная такая женщина, темная. И у меня и в голове не было отбивать чьего-то мужа. И вот начались вот эти вот – он стал ходить по квартирам вот в этом доме и всех спрашивать – никто меня ни с кем не видел?

Кассета №2, сторона А

- Из шести детей только одна умерла собственной смертью, представляешь?

- Галина Васильевна, так про школу, - что там случилось?

- Да-да-да. Ну, в общем, весь коллектив разделился на два лагеря. Вотходишь в учительскую и смотришь – ага, вот это мой лагерь, это его лагерь. И только к своему лагерю, уже дети по интернату бегали и кричали – Лариса... А, вот я еще не сказала что – его стали сводить с Ларисой. Там одна воспитательница была местная, чтобы он здесь остался. Потому что они уже чувствовали, что я намерена уезжать. Вот, Лариса-крыса, Лариса-крыса, [дети] по интернату бегают. В общем, началась там такая неприятная картина, а у меня как раз мама жила, она говорит – что ты все это терпишь? Зачем тебе это все надо? Сидишь в какой-то деревне, детей нет. И вот она меня подтолкнула к отъезду. Я поехала... куда бы я не обращалась, мне говорят – в РОНО мест сейчас нет. Мы всех своих учителей сокращаем, в связи с тем, что вместо четырех лет начальных классов будет три. Три года обучения. И в каждой школе по два-три учителя приходится... кого библиотекарями, кого в детский садик переводят. Идите в детскую комнату [милиции]. Пошла я на Каляева 19 [в Ленинграде]...

- Это вы из Кеми приехали в Ленинград?

- Да. Нет, из Лукошино. Из Лукошино. Из интерната лукошинского, под Бологое который.

- Это какой год-то был?

- Это был январь 70-го, на каникулах, каникулы, зимние каникулы, я пошла искать себе работу. И приехала на Каляева, а мне говорят – нам нужны будут инспектора в Гатчина, Луга, Красное Село, еще чего-то называли мне, нужны будут только летом. Я говорю – меня не устраивает, я сейчас хочу. А Светлана [сестра] позвонила в Кемь своему приятелю, следователь... юрист там у нее, бывший ленинградец, Боря Залкинд, и вот Залкинд сказал, что сейчас в транспортной милиции открыли пункт... ну вот, начали брать в детскую комнату, раньше не было там детских комнат, в транспортную милицию. И сначала я... и в министерство Карельское. Я приехала туда, подала документы, мне сказали – все устраивает, все и на собеседование к замминистру карельскому. Я пришла, мы с ним поговорили, все нормально, он говорит – а где вы будете жить? Я говорю – ну вот я сейчас живу у тети. Ну вот сколько вы можете там прожить? Год, два, три – потом скажете: дайте мне жилье. А у нас на десять лет вперед вот расписано все. Так что мы вас, как мы можем взять. Ну тогда вот Боря Залкинд говорит – в транспортной милиции берут сейчас, открывается детская комната. Я и пошла...

- А у какой тети?

- Тетя Таня, вот это...

- Это чья?

- Эта тетя Таня, это **(Солозова [так?])**, Татьяна Александровна, дочь Ольги, которая сама своей смертью в Москве умерла.

- То есть это двоюродная тетя?

- Двоюродная тетя, да. Ну вот, я у них жила какое-то время, потом стала... вдруг пришел мой контейнер с вещами, куда девать? Вот я там снимала комнату, потом в маневренном фонде жила, а потом там... в общем, все время приходилось переезжать, много раз, в Петрозаводске. Перебилась мысль, забыла, о чем говорили...

- Что в транспортной милиции можно было устроиться...

- А, ну вот, и пришла я туда, там заполит был Копьев, Дмитрий, Василий Максимович – начальник, он только заступил после Шарнова, который перешел сюда на Московский вокзал, и они мне сказали – вы нам подходите. Вот если вы не передумаете разводиться, то приезжайте, мы вас возьмем.

- А с мужем не возьмут?

- Нет, ... а муж – и не было разговора, что он оттуда уедет. Там уже Ларису эту... Ну вот, я, значит, вернулась, говорю – вот давай разводиться, поехали в Бологое, сдали документы, через ЗАГС, потому что детей нет, через ЗАГС. Он, значит, сдает эти паспорта, так спокойно, все. Я попросила, еще перед тем, как мы, развели нас, попросила дать мне жилье отдельно. Он мне помог перейти, там такая комнатка – квартира

трехкомнатная, и в каждой комнате проживает учительница, потому что в Бологое жить где-нибудь – это уже далеко от школы, каждый день мотаться. И он туда ко мне приходил. Приходил и начинал плакаться. Что так ему хочется ко мне подойти, так это все ему не нравится, ну вот, там сложилась такая обстановка, что... Я ни на какие уговоры не шла, вот, и мы подавали документы, вот, и – вы не разводитесь, так не разводятся., но мы в конце концов развелись. Он помог мне погрузить контейнер.

- А сколько вы вместе прожили?

- Мы прожили шесть лет. И я поехала... Когда мы приехали... перевелись из Кеми (перерыв в записи) Когда мы выезжали из Кеми, послали свой контейнер, нам сказали, что в Бологое нет шоссейной дороги до Лукошино, а надо отправлять на Боровичи. И оттуда уже машиной можно привезти. И мы ждали три месяца вещей, жили в изоляторе там, и вещей все не было и не было. И там стали разыскивать и в конце концов разыскали их в Барановичах. И тут когда я уже переезжала в Петрозаводск, я думала – долго будут вещи идти. А они пришли в течение... через неделю. Некуда было девать, поэтому пришлось снимать комнату. Из-за вещей. И я так работала... Ну, так как жилья не было, Василий Максимович меня не хотел отпускать, Дмитриев, – говорил, вот, построят дом, там трехкомнатную дадут, мы передвинем, одну комнату - однокомнатную вам оставим, в общем, дом строили несколько лет, он меня никак не отпускал, а тут Светлана сказала, что мама очень плоха, мама уже с ней жила, ей тяжело...

- А маму Светлана забрала?

- Да.

- В каком году?

- Это... в каком году, сейчас скажу. Вот когда я жила в Лукошино, я там работала с 68-го по 70-й. Я ездила в Ельню, и сдавала квартиру исполкому, и вещи раздаривала наши ельнинские. Вот, значит, с 68-го мама, где-то, с 68-го мама переехала к Светлане в Петербург. И она очень плохо себя чувствовала, болела и Светлана просила если можно, перевестись в Питер. А меня давно звали на Московский вокзал, Шарнов еще звал, и Корсин там, замполит был.

- Подождите, я немножко сбилась – значит, из Кеми вы приехали в Петрозаводск?

- Нет. Из Кеми – в Лукошино...

- ...учебное заведение в Петербурге. Отдел учебных заведений железных дорог, такой был. В общем, отдел, один. Он и железнодорожной школой в Кеми ведал, и железнодорожным интернатом в Бологое. Мы пришли в Петербурге, в Ленинграде, в отдел учебных заведений. И просили перевести в среднюю полосу, потому что в Кеми климат неподходящий. И нам предложили Бологое. Виктор съездил, говорит – ой, вы знаете, в лесу, на берегу реки, такой интернат хороший, я там, говорит, буду рыбу ловить, он на зимние рыбалки очень любил ходить, говорит – мне понравилось. Ну, понравилось – и поехали. И мы поехали. Из через два года я оттуда уехала, и в Питере не устроилась, и поехала в Петрозаводск, там устроилась в милицию, детскую комнату милиции.

- Ну и как эта работа по сравнению со школой?

- Работа? Дело в том, что Петрозаводск маленький город, у меня там наперечет все были – ПТУ, все школы, где есть хулиганы, я постоянно туда ходила, постоянно общалась с родителями, и на транспорте как-то довольно резко снизилась детская (криминогенность - ситуация с нарушениями. Вот, так что... Ну что вы, сама у меня работа была – беседы с детьми и родителями, и хождение с лекциями и беседами по школам, вот такая в основном [работа]. Ну а так как я была старший инспектор, я еще контролировала работу в Сегеже наших инспекторов, в Кеми наш инспектор был, вот, я ездила и контролировала там...

- А не было тоски по школе?

- Была, я каждый год накануне первого сентября я во сне видела школу, детей, пионерские галстуки, каждый год... потому что сколько уже – десять лет в школе, два года педучилища, первого сентября начинался учебный год, четыре года института –

шестнадцать лет, и потом еще десять лет в школе. В общем, столько лет первого сентября начинался учебный год, что я очень долго тосковала по школе, по детям...

- все-таки вы занимались не просто обучением, но и воспитанием?

- Да, конечно, это основное

- А вот как история семьи и ваше понимание репрессий – как это отложилось именно на воспитании ребят? Они задавали ведь какие-то вопросы, нужно было как-то отвечать... или вам самой хотелось что-то объяснить, пояснить...

- Нет, нет, этот вопрос не откликался. Он как-то был всегда закрыт. Пока даже... ну, до 61-го так совсем об этом не говорили ни дома, нигде, до оттепели. Во время оттепели мы с мамой немного об этом говорили, и она рассказывала и я попросила ее написать воспоминания. И она рассказывала еще Ляле, внучке своей [дочь Светланы] много рассказывала уже, тоже когда это уже перестало чревато быть арестом.

- Но, понимаете, дело в том, что вот самое главное же, что у детей – это чувство справедливости. Как вы с этим справлялись?

- Ну, дело в том, что дети, дети и их родители – они этого не понимают. Ведь дети, которые пришли ко мне – их родители, они ровесники моей внучки практически, как-то в общем... Они не знают этого вопроса совершенно, и когда иной раз говоришь о репрессиях, даже слышишь такие высказывания – «зря не сажали», вот так: «зря не сажали», «правильно делали, в общем, не надо было против власти идти», вот такие вот. Поэтому я старалась об этом никогда ни с кем не говорить. Потому что не хотелось вступать в споры какие-то политические, потому что доказать было невозможно ничего. Если попытаешься что-то доказать, что отец ни в чем не виновен, что он посвятил свою жизнь строительству коммунизма, того, который построить нельзя, вот, и за это и поплатился. Никаким врагом народа не был и никакого вредительства не делал. Ну, говорят – «был же суд», начинают вот так вот, не понимая еще, говорить и то, что там применяли эти меры и методы физического воздействия – это ни до кого не доходило, - это бесполезно говорить.

Я очень много уделяла время воспитанию детей, но это все, конечно, делалось от души, и родители ко мне очень хорошо относились, у меня был очень хороший родительский комитет, они вместе со мной и в походы ходили, и мы к каждому дню красного календаря устраивали праздники, концерты, всегда, вот, и все дети кемские, ко мне стремились родители отдать детей, у меня почти половина класса были дети военнослужащих, там был военный городок в Кеми. А однажды вдруг всех детей – всех родителей взяли вдруг и из Кеми убрали. И отправили кого куда. Больше всего в Кандалакшу. Некоторых в Киев, родителей разослали по всей стране. Я очень удивилась, и мне сказали, что там готовилось... собирали оружие, собирались какое-то восстание поднять.

- Это какой же год?

- Это был 66-й, по-моему, год.

- 66-й, в Кеми, восстание?

- Да. Восстание в Кеми хотели поднять. Они готовили вооруженное восстание, у них там был склад оружия нелегального, вот, и прислали к нам уже мотопехоту. Других совершенно людей, и вот у меня полкласса почти сменилось. Тоже дети военнослужащих, кто-то ..., кто-то в третий класс, уже совершенно другие дети. И мне пришлось по-новому к ним привыкать, а им ко мне. Вот такой был случай – всю Кемскую воинскую часть расформировали.

- скажите, как вы в детстве читали Павлика Морозова – как вы относились к этой книжке?

- Я не скажу, что я была в восхищении, но нам так вдолбили в голову про этих несчастных крестьян и помещиков, и какие между ними были ужасные отношения, и как их притесняли, и какие они были униженные, несчастные, рабские, и то, что он выдал какого-то там богатея и помещика, не, соответственно, было там папа или не папа это его,

а он для блага советской власти это сделал, и как-то относились вот к этому так, как вот нас и учили, так как раз и учили, что это очень хорошо. Вот, что ради Родины не пожалей и отца своего. Это вот такое отношение было.

- И ничего, сомнений никаких не появлялось?

- В те годы, когда проходили... - нет

- А когда вы уже потом преподавали? Про Павлика Морозова, когда вы стали уже преподавать в школе – как вы относились к этой книжке, как вы ее давали детям?

- Нет, мы ее не давали. Она же не входила в учебный план...

- А дополнительно?

- А дополнительно не давали. Вот меня очень интересовали и краснодонцы [Фадеев. Молодая гвардия], я все читала, что появлялось о том, что это все не так было, и не те были предатели, и ...

- И молодая гвардия...

- Да, и молодая гвардия, это я все с удовольствием в журналах, выписывала и читала, потому что тогда только впервые появились какие-то такие веяния, что не все правда, что нам до сих пор вдалбливали в головы – только тогда это появились такие вот, сомнения какие-то стали появляться в голове. А как-то мама не вмешивалась, вот в то, что говорилось – не слушай, это не так – такого не было никогда.

- Ну а из того, что она знала – может, она сама что-нибудь рассказывала?

- Нет, нет. Она была, во-первых, очень занятой человек, во-вторых, она считала, что мы живем при советской власти и надо делать... Чтобы не было хуже, надо делать так, как хочет власть.

- То есть она училась вас какой-то лояльности?

- Да.

- А скажите мне еще, значит, отец какого был?

- Он 98-го.

- 98-го. А как вот он в революцию вошел, как он встретил революцию? Его до приезда в Петроград не интересовала вообще вот политика, он не был активен у себя там до армии?

- Я вот это не знаю, знаю, что он был на разных работах у помещиков. И в 16-м году вот его забрали в армию. И после этого он сразу же прошел учительский курс, сразу вступил в партию, так что...

- А мама? В гимназии – ее интересовала политика, интересовала революция или она уже вступила в партию после, как жена?

- Как жена, он ее сагитировал, сагитировал в 32-м году вступить, она никогда не рвалась, и никакой такой деятельностью активистской не была никогда... Так что, не знаю даже, вот по ее... рассказам о том, больше у нее рассказов о подругах, о гимназических... гимназистках, о гимназистах – но никогда в ее рассказах у нее не встречалось, что вот они там что-то организовали какое-то там субботник-воскресник, какие-то там мероприятия такие, с лозунгами не ходили – такого никогда не было в ее рассказах.

- А потом уже, после войны, она комментировала как-нибудь какие-то политические события или они также ее не интересовали?

- Вот что интересно, что она, действительно, как-то была, относилась, считала, что коммунисты должны быть идеальными людьми. Вот когда она бывала в Ростове, у Раскиных, когда его перевели в Ростов, и он стал секретарем Сталинского райкома партии, это Россельмаш-городок, Россельмаш, вот, она у них бывала и ее очень возмущало и удивляло, что он по дому ходит в халате, что к нему на дом приходят брить его парикмахер, вот – вот такие, что у них там все там делает за них уборщица, что он отделал огромный коттедж, что он получил его, отделал все за счет Россельмаша, вот это – вот это вот все ее ужасно возмущало. Что он коммунист, и [коммунисты] такими не должны быть. Вот отец был действительно настоящим коммунистом, который ничего не имел от своей работы, только одни нагрузки. (перерыв в записи)

[Я начала] заниматься розысками. Вот мне вот ответили, что под прибытие в Ельню Ленинградский обком ВКПб направил отца. И 13 марта 33-го года он прибыл в северо-кавказский крайком, и направлен на работу в Азовское ..., на должность начальника политотдела. Это Смольный [направил]. И вот там вот, из Смольного [справку получила], что вот мама в Ленинграде работала зав. отделом райкома ВКПб, Пригородного райкома. И вот член бюро райкома ВЛКСМ и что 8 августа 33-го года она уволена в связи с переездом, значит, вот в августе 33-го они оттуда переехали, а в ноябре Светлана родилась, так что мама была уже на сносях.

- Расскажите, что вы помните про смерть Сталина?

- Я училась тогда в девятом классе, и радио включили громко в учительской, открыли дверь, и мы все в коридоре слушали, и все хватались за голову, и все ужасались, и все плакали. Это в школе происходило, когда объявляли по радио о том, что умер. А что было дома – я никакой реакции не помню, не помню, я помню только школьные. Дома реакции я не помню, я знаю, что может быть, это было через несколько дней, но в этот день я не помню. Уже мама говорила, что хуже не будет, хуже не будет. Разберутся, разберутся со всеми делами от отца, с делом отца и прочее.

- То есть у мамы появилась надежда на что-то лучшее или нет?

- Да, да-да. На то, что разберутся и еще надежда, что он все-таки вернется, отец, еще была надежда. Потому что это был 53-й, и только в 57-м ответили, что он умер в 44-м, в 57-м. А до 57-го была надежда, что отец еще вернется. Где-то там, может, продлили срок, что-то такое, но что он еще вернется, и поэтому она надеялась, что разберутся, и он вернется.

- А няня что-нибудь говорила?

- Нет, няня в политику не обращалась, никогда. Вот, она развела курочек, там курочки и она нас подкармливала. И мы не умерли с голоду, потому что ничего вокруг не было. Вот мама восстанавливала школу, ходила в папином таком тулупе, почти до пят, тулуп такой – внутри мех, а сверху кожа, тулуп, черный. Вот, и в каких-то там галошах. Я когда пошла в школу в 44-м, с 45-го я пошла, значит, няня мне сшила тапочки, самодельные. Пошла в школу. А потом к этим тапочкам она еще галоши, значит, мне еще купили. А так как нас потом, начиная где-то с четвертого класса каждый год посылали работать в колхозе, месить грязь и вынимать картофель из этой грязи, а у меня были только бурки, сшитые няней, простеганные, и галоши, и я эти галоши всегда оставляла в грязи. Вытягивали их и приходила совершенно грязная, никогда бурки не высыхали, я всегда была с мокрыми ногами и у меня начались дикие боли в ногах, - ревматизм начался, еще я анальгина очень много пила, в общем, так что... Мы жили всегда очень бедно.

- А как XX съезд?

- XX съезд когда был, я училась в педучилище. И вот это закрытое письмо нам там читали, закрытое письмо. Вот, нам там читали, но это нужно, чтобы никому не говорили, комсомольцы там, активисты там читали, прочитали это закрытое письмо, ну и конечно те, кого это касалось, были, конечно, очень довольны, что разоблачен культ личности Сталина и что теперь можно свободно говорить – даже мама говорила: я не думала, что я доживу до такого времени, когда я спокойно смогу рассказывать о том, что... при этом до того она ничего практически не рассказывала.

- А было для вас это каким-то удивлением...

- Нет, это было такое радостное событие, но как бы ожидаемое после смерти Сталина, ожидаемое.

- Ожидаемое?

- Да, ожидаемое.

- И вы понимали, что вот сейчас это все будет происходить? Ну, может вы не понимали, что реабилитация...

- Мы думали, что вот это все развенчают вот эти все причины, по которым арестовывали, что перестанут считать врагами народа нас, что все это ожидали, но мы думали, что все будет лучше и лучше, и никак не ожидали, что потом опять закрутят гайки.

- А скажите, а что, значит, вот, а кто вас все-таки называл врагами народа? Или это просто внутри в себе сидело?

- Это, во-первых, в себе всегда сидело, ну, как-то, ну, во-первых, вот то, что маму не сделали [завучем]... да, вот еще такое с мамой было – когда ее представили к званию «народный учитель», и отправили в Москву, то из-за того, что она жена репрессированного, ее сделали просто «отличник народного просвещения». Народного учителя не дали. Только ущемление. И об этом у нас все время разговоры шли, о том, почему не дали – потому что мы враги народа. Потому что дети врагов народа. Такие-то разговоры дома были.

- То есть, в общем, некое притеснение в росте, да?

- Да, это да. Вот не поступила Светлана в институт, все, конечно, это сказалось, и это все переживалось...

(конец записи)

Кассета №2, сторона В

- ...в протоколе обыска есть опись документов, изъятых у нас якобы в 37-м году. Здесь написано – и наган, и малокалиберная винтовка, и браунинг, и разное другое оружие. И подпись – подпись «получила» – Дударева. Совершенно не похожая на то, как расписывается и расписывалась мама. Ничего общего нет. А в бумаге, которую мы получили в 57-м году, заключение – где говорится об аресте отца и о том, что нам выплачена компенсация за винтовку и серебряные рубли, здесь перечислено, что было на самом деле изъято – малокалиберная винтовка, с патронами, серебряный рубль, и полтинники. И нет ни нагана, ни браунинга – ничего этого нет. Уже в 57-м году все это выпало. Значит, ясно, что поддельный был акт.

- Ну понятно, да.

- в 95-м году, я решила заняться делом своего отца и написать о нем статью. Но когда я стала заниматься этим делом, я увидела, что нельзя обойтись, только описывать дело отца, потому что дело было групповое, и коснулось оно всей верхушки Ростова и области. И поэтому я поехала в Ростов, чтобы поработать там с материалами тех, кого мне удалось установить по статьям газетным за 37-38-й годы. Все дела, которые я запрашивала, мне давали. И... дело принесли моей матери потом

И вот в деле как раз, когда я познакомилась с делом матери, я там нашла бумаги о том, что мы были в детском приемнике-распределителе, когда посылала в прокуратуру заявление о ее реабилитации и просила прислать мне копии этих документов. Вот тогда мне их прислали. Потому что все документы погибли во время пожара. После того, как нам уже прислали свидетельство о смерти, где было написано «расстрелян в Ростове-на-Дону», в 1938-м году, 19 июня, я была в городе Ельне, это там, где мы жили в 57-м году, и где мы получили в ЗАГСе свидетельство о том, что 4 ноября 1944 года он [отец] умер. Я побывала в ЗАГСе и попросила показать мне запись, потому что идет под тем же номером, и от того же числа, в каком году мы получили первое свидетельство. И мне показали – там прежняя запись просто зачеркнута, а над ней другими чернилами написан новый текст. И дают свидетельство о расстреле уже с грифом «повторно», как будто первый раз они мне давали именно такой же текст.

- Галина Васильевна, а вот когда вы получили первое свидетельство, вы поверили в то, что он в 44-м году умер?

- Да, мы поверили, потому что мы все были уверены, что десять лет без права переписки. Десять лет кончается в 47-м году. Вот, значит, раз мы в 47-м году его не дождались, значит, он действительно в 44-м году где-то умер, от каких-то болезней.

- А вот скажите, а вот еще до 90-х годов вы общались вот с кем-нибудь, может быть, в институте, в школе со своими сверстниками, у которых тоже были отцы арестованы?

- У меня таких друзей не было.

- Или вы просто не знали?

- Я не знала...

- О том, что их отцы арестованы...

- Я не знала, потому что на эти темы говорить было не принято. Все боялись и родители наши – и моя мама, и родители всех остальных, которые я потом узнала, что они реабилитированы, репрессированы были, они ничего не рассказывали детям об их отцах.

- Первое заявление о реабилитации – мама писала, да?

- Мама писала неоднократно сначала заявления в ГУИН по поискам отца. Особенно после 47-го года, когда прошли эти десять лет без права переписки. И ей ничего не отвечали или там были отписки какие-то, малозначительные, мама даже не сохранила эти документы, они ни о чем не говорили. Вот первое пришло свидетельство о смерти уже в 57-м году.

- Понятно. А маме не приходило в голову свою реабилитацию получить, самой написать на реабилитацию, что ее арестовывали?

- Нет, не приходило, и так до того не приходило, что даже когда я занималась делом отца, мне не пришло в голову заняться реабилитацией матери, потому что это получилось... я даже уже по воспоминаниям мамы я узнала, что на нее было заведено дело, отдельная папка, вот, о чем есть документ даже, что она была арестована в связи с тем, что по делу отца она проходила как соучастница якобы. Вот, и поэтому на нее есть дело. А на большинство жен так дел вообще не заводилось. Не заводилось никаких дел, и о никакой реабилитации раньше без дела разговора не шло. До тех пор, пока стали вот массовые реабилитации проходить.

- Галина Васильевна, и еще вот последнее – в этой вашей табличке [семейное древо] это все братья и сестры бабушки

- Только одна из них умерла своей смертью. Остальные все...

- У Гюнтера Юлия Геннадьевича и Гердт Софьи Августовны было шестеро детей. Сами Юлий Геннадьевич и Софья Августовна после того, как наступила советская власть в Петербурге, он выехали из Петербурга в Житомир, где жил кто-то из их детей. И там, во время голода на Украине, это в 19-20-м году, оба умерли.

- От голода?

- От голода.

- А как сложилась судьба их детей всех?

- Вот у них было три дочери, и три сына. Старший, Сергей, он был расстрелян красными, он был инженер-путеец и строил железнодорожный узел в Екатеринбурге. И потом стал начальником станции Екатеринбург. И когда туда пришли красные, они его расстреляли. Следующая, Ольга...

- А вы не получали...

- Я делала запрос, мне ответили, что у них никаких сведений о нем [о Сергее] нет. Я делала запрос. Ольга Александровна – это единственная, которая дожила до своей смерти, до пожилого возраста, и в 59-м году умерла в Москве.

- У нее была семья...

- Не было. Нет, у нее были – это у ее детей, у Галины...

- Ну, у нее была семья.

- У нее вот с тех пор, как я ее помню, где-то с 50-х годов я ее знаю, я у нее бывала в гостях, у нее, потом у Галины Александровны, у ее дочери, они жили вдвоем только, потом жила Галина Александровна одна, в коммунальной квартире.

- Ну а остальные?

- Владимир, полковник, сначала в царской армии воевал, потом в белой армии, у Колчака. И в Гражданскую войну погиб на Дальнем Востоке. Софья Александровна, моя бабушка, и ее муж, Борчан Николай Васильевич, жили в Ельне, куда они нас и забрали в 38-м году. И во время войны они отказались вместе с нами убежать, отступить от немцев, потому что считали, что война скоро кончится, они переждут. Но переждать им не удалось, потому что дом наш сгорел, средств, заработка не было, нечего было есть, негде жить, и они умерли в 42-м году от голода в землянке одной из наших знакомых, Муратовой. Следующий – Борис. Инженер-электрик, он покончил жизнь самоубийством в начале 30-х, когда вышло постановление о выселении немцев из России. Его жена, Мария фон Майдель, умерла в блокаду в Ленинграде и неизвестно, где похоронена. Также умерла в блокаду и ее дочь, Ксения, а ее маленькую девочку, дочку, кто-то удочерил, мы даже не знаем, кто. И последняя, Нина Александровна, она умерла довольно молодая, у нее, правда уже в 1910-м [так?] году родилась дочь Наташа, фон Майдель...

- Отчего она умерла?

- Умерла по состоянию здоровья. Вот, и похоронена она на Лютеранском кладбище, Смоленское кладбище в Ленинграде. А муж, Александр фон Майдель, он исчез из нашего поля зрения, и вот когда я уже начала заниматься генеалогическим древом, то по древу Майделей мы обнаружили, что он где-то, что ли, в Германии, уже после 35-го года, и там женился потом. (перерыв в записи) Наталья работала в Ленинграде, но где-то после 35-го года тоже ее убил муж. Вот такие... (перерыв в записи)

Я поговорила со старшей сестрой Светланой, что она помнит после нашего переезда в Ельню, в 38-м году, когда арестовали мать. Бабушка, Софья Александровна, работала в библиотеке. Вероятно, она работала только в последние годы, чтобы помочь после ареста отца маме. Софья Александровна очень не любила новую власть, ей не нравилась работа нашего отца – партийная советская. После его ареста она была в шоковом состоянии, в основном, молчала, раскладывала пасьянсы и читала. Обсуждать серьезные вопросы при детях она никогда себе не позволяла. Сказок бабушка нам никогда не читала и не рассказывала. Читала Светлане что-то серьезное, но что именно, какие книги, Светлана не помнит, конечно. Дедушка, Николай Васильевич, окончил Высшее земельное училище, служил военным инженером-фортификатором, на гражданке – землемером. К нашему приезду он перенес инсульт и говорил очень мало и плохо. Любил играть на скрипке по слуху и рисовал картины тушью. Он был хороший художник. Арест отца произвел на Светлану оглушающее действие. Она находилась в шоковом состоянии долгие годы. Часто разговаривала с мамой о причинах ареста отца. Мама всегда говорила – что это роковая ошибка. Строй и Сталин не виноваты, кто-то его вводит в заблуждение. Но он во всем разберется и выпустит отца, так как он ни в чем не виноват. Светлана с ней постоянно спорила, что все это чушь, что во всем виноват Сталин. Чтобы убежать от этих бесполезных споров, Светлана уехала поступать в вуз в Ленинград, хотя там рядом был институт в Смоленске, педагогический. Когда умер Сталин, Светлана училась в пединституте имени Герцена на английском факультете, она этому событию радовалась, но почему-то ужасно боялась, что начнется война. У нее всегда сидел этот страх после войны, после пережитого в детстве всего, что принесла нам война. Ее друзья по институту и общежитию из-за этой ее боязни над ней все время посмеивались. После замужества и рождения дочери Лариса мама неоднократно приезжала в Ленинград. Сначала ее ужасало Светланино окружение – диссиденты и самиздатчики: Георгий Бен, **Саша Шмайер**, Борис Пустынцев и другие. Но потом она стала смелее, и их разговоры в квартире Бена ее так не пугали.

- Кого? Маму?

- Маму.
(конец записи)